

Р. Ю. Колобов

Федеральный исследовательский центр
«Иркутский институт химии имени А.Е. Фаворского СО РАН»
Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Российская Федерация

Взаимодействие национальных и международных природоохранных мер на порайонной основе (на примере объектов всемирного природного наследия)

Резюме. Анализируются общие закономерности взаимодействия национальных и международных территориальных подходов к охране природы. В качестве иллюстративного материала представлена практика охраны объектов всемирного природного наследия. Констатируется значительный исторический опыт в использовании территориальных мер охраны природы и неизбежность интернационализации их использования после формирования национальных государств. Обосновывается территориальный характер режима охраны всемирного природного наследия, демонстрируется необходимость его реализации в национально-правовых формах охраны природы. Показан генезис классификации современных особо охраняемых природных территорий на международном уровне, выявлены противоречия, связанные с признанием их социальной роли. Полученные выводы соотнесены с развитием системы охраны всемирного наследия, констатировано усиление дискурса прав местных сообществ на использование уникальных природных объектов, установлено преобладание особо охраняемых природных территорий как национальной формы правовой охраны объектов всемирного природного наследия. Исследовано международно-правовое понятие «другие эффективные природоохранные меры на порайонной основе», продемонстрирован его потенциал для сохранения биоразнообразия и оценены возможные риски, связанные с ослаблением режима охраны объектов всемирного природного наследия. Как пример сложного случая организации территориальных подходов к охране природы рассмотрен режим центральной экологической зоны Байкальской природной территории. Определено его место в системе анализируемых категорий, показаны способы совершенствования охраны объекта всемирного наследия «Озеро Байкал», критически оценивается предложение о создании федеральной территории в его границах. Отстаивается необходимость признания центральной экологической зоны Байкальской природной территории особо охраняемой природной территорией *sui generis*.

Ключевые слова: всемирное наследие; особо охраняемые природные территории; другие эффективные природоохранные меры на порайонной основе; озеро Байкал; экологическое право; международное право; Байкальская природная территория; Комитет всемирного наследия; ЮНЕСКО; Международный союз охраны природы

Для цитирования: Колобов Р. Ю. Взаимодействие национальных и международных природоохранных мер на порайонной основе (на примере объектов всемирного природного наследия). *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 12. С. 128–147. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.128-147

Interaction of National and International Environmental Protection Policies on a District-by-District Basis (As in the Case of World Natural Heritage Sites)

Roman Yu. Kolobov

Federal Research Center

Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky, SB RAS

Irkutsk State University

Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The general patterns of interaction between national and international territorial policies to nature protection are analyzed. The practice of protecting World Natural Heritage sites is used as a supporting material. Significant historical experience in the use of territorial nature protection measures and the inevitability of internationalization of their use after the formation of nation states are asserted. The territorial nature of the World Natural Heritage protection regime is substantiated, and the need for its implementation in national legal forms of nature protection is demonstrated. The genesis of the classification of modern specially protected natural territories at the international level is shown, and contradictions related to the recognition of their social role are revealed. The obtained conclusions are correlated with the development of the world heritage protection system, the strengthening of the discourse of the rights of local communities to use unique natural objects is noted, the predominance of specially protected natural territories as a national form of legal protection of World Natural heritage sites is established. The international legal concept of «other effective environmental protection measures on a district basis» is investigated, its potential for preserving biodiversity and possible risks associated with weakening the protection regime of World Natural Heritage Sites are demonstrated. The regime of the central ecological zone of the Baikal natural territory is considered as a complex case of the organization of territorial approaches to nature protection. Its place in the system of the considered categories is determined, ways of improving the protection of the Lake Baikal World Heritage Site are shown. The proposal to create a federal territory within its borders is critically evaluated. The necessity of recognizing the central ecological zone of the Baikal natural territory as a specially protected natural territory *sui generis* is defended.

Keywords: World Heritage; specially protected natural territories; other effective environmental protection measures on a district basis; Lake Baikal; environmental law; international law; Baikal Natural Territory; World Heritage Committee; UNESCO; International Union for Conservation of Nature

Cite as: Kolobov RYu. Interaction of National and International Environmental Protection Policies on a District-by-District Basis (As in the Case of World Natural Heritage Sites). *Lex russica*. 2025;78(12):128-147. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.229.12.128-147

Введение

Охрана природы посредством обособления отдельных участков территории, на которых действуют ограничения деятельности человека, имеет древнюю историю. В исторических исследованиях отмечается, что такая практика известна как минимум с IV–III вв. до нашей эры, когда на территории современной Индии выделялись леса для разведения слонов¹. По мере развития человечества обособление таких участков имело различные цели: обеспечение охоты, охрану

природной красоты и даже становление национального самосознания. Появление национальных государств и упрочнение принципа их суверенного равенства не могло не интернационализировать природоохранную деятельность. Вначале она проходила путем распространения национальных моделей особо охраняемых природных территорий (далее также — ООПТ) в другие страны, потом — попытками унификации таких моделей на международном уровне², а затем и посредством формирования природоохранных режимов, имеющих территориаль-

¹ Gissibl B., Hohler S., Kupper P. Towards a global history of National Parks // *Civilizing Nature: National Parks in Global Historical Perspective* / B. Gissibl, S. Hohler, P. Kupper (eds.). New York ; Oxford : Berghahn, 2012. P. 7.

² К наиболее известным ранним попыткам такого рода относят Конвенцию об охране флоры и фауны в их естественном состоянии 1933 г. и Конвенцию об охране природы и сохранении дикой природы в западном полушарии 1940 г. См.: *Convention relative to the Preservation of Fauna and Flora in their Natural State* // URL: <https://ecolex.org/details/treaty/convention-relative-to-the-preservation-of-fauna-and-flora-in->

ный характер, в составе международной нормативной системы. Такие режимы базируются на различных международно-правовых явлениях. Система биосферных резерватов ЮНЕСКО в своей международно-правовой части лежит полностью в сфере мягкого международного права. Режим охраны водно-болотных угодий международного значения основан на классическом инструменте «строгого» международного права — Рамсарской конвенции³.

Таков же и самобытный режим охраны уникальных творений человека и природы, созданный Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия⁴ (далее — Конвенция). Все режимы такого рода объединяет то, что они могут эффективно реализовываться только совместно с национальными юридическими формами охраны природы на порайонной основе, что обусловлено преимущественно несовершенством подавляющего большинства правил этих режимов. Поиск оптимальных национальных форм такой охраны важен как с целью обеспечения эффективной охраны уникальных природных комплексов, так и по причине необходимости добросовестного выполнения международных обязательств Российской Федерации⁵. Предметом настоящего исследования станут природоохранные режимы, обеспечивающие охрану объектов всемирного природного наследия (далее также — ОВПН), внесенных в Список всемирного наследия (далее — Список) в соот-

ветствии с Конвенцией. Этот международный договор выбран нами как один из наиболее репрезентативных и известных примеров реализации мер охраны природы на порайонной основе. Использование последнего термина, при всей спорности его формулировки, обусловлено документами, принятыми в системе Конвенции о биологическом разнообразии⁶. Именно так переводится в официальных документах, принимаемых органами, созданными в соответствии с этим международным договором, английское словосочетание *area-based conservation measures*⁷. Сюда относятся охраняемые районы (англ.: *protected areas*) и иные эффективные меры на порайонной основе, которые также будут рассмотрены в настоящей статье. В российской науке для обозначения порайонных приемов охраны природы обычно употребляется словосочетание «территориальная охрана природы»⁸, в статье указанные термины будут использованы как синонимы.

Режим охраны всемирного природного наследия как природоохранный режим на порайонной основе

Нормативные основания режима охраны всемирного природного наследия лежат как в международной нормативной системе, так и в национальных правовых порядках. Анализ его содержания представляет собой самостоятельный

their-natural-state-tre-000069/ ; Convention on Nature Protection and Wild Life Preservation in the Western Hemisphere // URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280150233&clang=_en (дата обращения: 15.12.2024).

³ Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц (заключена в Рамсаре 2 февраля 1971 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 462–466.

⁴ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (заключена в Париже 16 ноября 1972 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991. С. 482–492.

⁵ Приверженность этому принципу международного права подчеркивается и в обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229 // СЗ РФ. 2023. № 14. С. 2406).

⁶ Конвенция о биологическом разнообразии (заключена в Рио-де-Жанейро 5 июня 1992 г.) // СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2254.

⁷ См., например: решение Конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии от 30.11.2018 № 14/8 «Охраняемые районы и другие эффективные природоохранные меры на порайонной основе» // URL: <https://cbd.int/doc/decisions/cop-14/cop-14-dec-08-ru.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

⁸ См., например: *Тишков А. А.* Сто лет методологии территориальной охраны природы России (к 100-летию заповедного дела) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 1. С. 8–19 ; *Анисимов А. П.* Территориальная охрана природы в России и Республике Словакия: сравнительно-правовой аспект // Вестник Томского университета. Право. 2017. № 26. С. 91–99 ; *Чибилёв А. А.*,

предмет исследования, в связи с чем в рамках статьи мы обратим внимание лишь на наиболее важные его черты. Прежде всего это территориальная определенность объектов всемирного наследия, проистекающая напрямую из положений Конвенции. Ее статья 3 обязует государства выявлять и разграничивать (англ. *delinate*, фр. *délimiter*) ценности наследия. Пункт 1 ст. 11 предписывает государствам-участникам представлять Комитету всемирного наследия (далее — Комитет) перечни ценностей, которые могут быть внесены в Список⁹, а содержание таких перечней составляет в том числе документация относительного *места расположения* данных ценностей. Территориальный характер охраны, обеспечиваемый режимом всемирного наследия, еще более ярко проявляется в Руководстве по выполнению Конвенции по охране всемирного культурного и природного наследия (далее — Руководство). Этот документ содержит подробные правила относительно определения границ объектов всемирного наследия (п. 99–102) и процедур их изменения (п. 163–167).

Обязанности государств-участников в Конвенции выражены в достаточно слабой модальности, в частности ее пятая статья предписывает им по возможности стремиться в условиях, свойственных каждой стране, принимать соответствующие юридические, административные и финансовые меры для выявления, охраны, сохранения и популяризации наследия.

Помимо обязанностей, напрямую закрепленных в Конвенции, за более чем 50 лет, прошедших с момента ее принятия, в секторе мягкого права возникло множество различных стандартов, например в части подготовки планов управления объектами всемирного природного наследия или оценки воздействия на выдающуюся универсальную ценность объектов всемирного наследия. Огромное значение имеют два выработанных запрета экономической деятельности в *границах* ОВПН, выраженные в максимально возможной для инструмен-

тов мягкого права строгой форме. Комитет систематически указывает в решениях на несовместимость со статусом объекта всемирного наследия деятельности по добыче полезных ископаемых и строительству плотин с большими резервуарами. Несмотря на отсутствие формализованных в актах «строгого» международного права санкций за нарушение этих запретов, они показывают свою эффективность в совокупном с другими средствами действия в границах различных объектов всемирного наследия.

Центральным элементом в формировании содержания режима охраны всемирного природного наследия являются положения п. 97 Руководства. В них закрепляется требование о наличии у каждого объекта, вносимого в Список, адекватной долговременной и институциональной охраны, обеспечивающей их сохранность. Такая охрана должна прежде всего носить национальный (внутригосударственный) характер и обеспечиваться путем установления соответствующих режимов, выбираемых государством, на территории которого расположен объект, самостоятельно.

Особо охраняемые природные территории как национальная форма режима охраны всемирного природного наследия

Особо охраняемые природные территории — основная национальная форма охраны ОВПН. Значительная их часть имеет в своем наименовании указание на ООПТ, обеспечивающую их охрану. Таковы, например, Национальный парк Наханни в Канаде или Фаунистический резерват «Окапи» в Демократической Республике Конго. Такое положение вещей объясняется прежде всего общностью целей, для которых создаются ООПТ и ОВПН.

Приемы порайонной охраны природы в разные периоды истории развития человечества и отдельных обществ имели разные цели. Они

Ахмеденов К. М., Рамазанов С. К. Перспективы развития сети территориальной охраны природы Западного Казахстана // Бюллетень Оренбургского научного центра УрО РАН. 2018. № 4. С. 1–13.

⁹ Строго говоря, Конвенция предписывает охранять наследие, как внесенное в Список, так и выявленное государствами самостоятельно. Различия в режиме этих двух видов наследия, согласно тексту Конвенции, сводятся по большому счету к оказанию международной помощи для сохранения «листингового» наследия. Однако практика деятельности структур охраны всемирного наследия практически полностью ограничена охраной наследия, включенного в Список, за исключением вопиющих случаев разрушения уникальных объектов, как это имело место с бамианскими статуями Будды в Афганистане (см.: *Francioni F., Lenzerini F. The Destruction of the Buddhas of Bamiyan and International Law // European Journal of International Law. 2003. Vol. 14. No. 4. P. 619–651*). В статье под ОВПН понимаются объекты, включен-

разнятся от обеспечения сельскохозяйственной деятельности, укрытия в лесах во время войны и религиозных целей в эпоху до нашей эры до целей сохранения биоразнообразия и обеспечения рекреационной деятельности в настоящее время¹⁰. Появление особо охраняемых территорий в их современном варианте в исследованиях по истории охраны окружающей среды обычно относят ко второй половине XIX в.

Развитие системы охраны природы в этом периоде неразрывно связано с практикой создания ООПТ в Соединенных Штатах Америки. В 1864 г. был образован Йосемитский государственный парк¹¹, а 1872 г. — Йеллоустоунский национальный парк, положивший начало созданию национальных парков по всему миру. Изначально их появление в североамериканской исторической ситуации было связано с формированием американской нации и освоением западных территорий страны, что выразилось в сплаве идей романтизма, патриотизма и культа дикой природы¹². Модель национального парка была наиболее ярким проявлением тенденций, которые охарактеризованы в исторической литературе как оцивилизация, территориализация и категоризация природы¹³, позволяющие воспринимать ее не как опасный дикий мир, а как часть очеловеченной действительности. Наиболее ярко это отразилось в целях создания Йеллоустоунского парка, впервые определенных в законе таким образом: «...в качестве общественного парка или места для развлечения на благо и для удовольствия людей»¹⁴.

Развитие и интернационализация идей охраны природы, основанных на порайонном принципе, с одной стороны, принимали национальные черты, с другой — сталкивались с реалиями колониальной системы международных отношений. В Великобритании одними из первых озаботились системой охраны природы охотники, а одной из основных организаций стало Имперское общество сохранения дикой фауны, созданное в 1903 г. Цели его деятельности были обусловлены сокращением биологических видов вследствие чрезмерной трофейной охоты¹⁵. К числу наиболее значимых результатов подобной охраны природы необходимо отнести создание охотничьих резерватов в британских колониях с введением ограничений на изъятие объектов животного мира¹⁶. Французская традиция охраны природы на порайонной основе базируется на классическом сциентистском подходе, в наиболее яркой форме она выразилась в понятии *réserve naturelle intégrale* — строгий резерват, создаваемый для восстановления экосистем и в этом отношении отличающийся от идеологии классических национальных парков¹⁷.

Интернационализация природоохранной повестки обусловила необходимость унификации этих подходов, что привело к появлению указанных ранее конвенций 1933 и 1940 гг., являющихся примерами распространения порайонных подходов на охрану природы в отдельных регионах мира.

После Второй мировой войны полномочия по формированию универсальных подходов к

ные в Список или в предварительные списки государств, которые, согласно позиции Комитета, представляют собой форму международного признания (см.: Decision 27 COM 13.3 Global Strategy // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/758/> (дата обращения: 15.12.2024)). Объект, включенный в предварительный список государства, к моменту включения в Список должен обладать системой охраны и управления, требуемой Конвенцией.

¹⁰ См.: *Arrowsmith C., Mirksrimi S. H.* The history of the changing nature of protected area management objectives // *Environmental Resources Research*. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 77–79.

¹¹ *Colten C. E., Dilsaver L. M.* The Hidden Landscape of Yosemite National Park // *Journal of Cultural Geography*. 2005. Vol. 22. No. 2. P. 30.

¹² *Jones K.* Unpacking Yellowstone: the American National Park in Global Perspective // *Civilizing Nature: National Parks in Global Historical Perspective*. P. 33–34.

¹³ *Gissibl B., Hohler S., Kupper P.* Op. cit. P. 2.

¹⁴ «As a public park or pleasuring ground for the benefit and enjoyment of the people». См.: *Jackson T. W.* The Creation of Yellowstone National Park // *The Mississippi Valley Historical Review*. 1942. Vol. 29. No. 2. P. 196.

¹⁵ *Prendergast D. K., Adams W. M.* Colonial wildlife conservation and the origins of the Society for the Preservation of the Wild Fauna of the Empire (1903–1914) // *Oryx*. 2003. Vol. 37. No. 2. P. 251.

¹⁶ *MacKenzie J. M.* The Empire of Nature, Hunting, Conservation and British Imperialism. Manchester University Press, 1988. P. 226.

¹⁷ *Ford C.* Op. cit. P. 80.

классификации охраняемых территорий перешли к Международному союзу охраны природы (МСОП). Эволюция подходов этой влиятельной международной организации представляет интерес с точки зрения определения природы охраняемых территорий и целей их создания. В 1978 г. был опубликован документ, подготовленный Комитетом по критериям и номенклатуре Комиссии МСОП по национальным паркам и охраняемым территориям, под наименованием «Категории, цели и критерии для охраняемых территорий»¹⁸, содержащий систему классификации охраняемых территорий¹⁹, основанную на целях управления ими. В контексте настоящего исследования необходимо обратить внимание на группу «С» особо охраняемых природных территорий, в которой были выделены два международных режима охраны природы: биосферные резерваты, входящие в международную сеть, созданную в соответствии с восьмым проектом программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера», и объекты всемирного природного наследия. Основной целью создания последних признавалась *охрана* тех природных характеристик, за которые территория была признана обладающей качествами всемирного наследия, а в качестве второстепенных целей названы просвещение, исследовательская деятельность и экологический мониторинг²⁰.

Охранительная направленность режима ОВПН проявлялась и в указании на необходимость обеспечения строгой правовой охраны и признании того, что некоторые объекты могут обладать такой значимостью, что их общественное использование должно строго контролироваться или запрещаться²¹. Таким образом, в классификации охраняемых территорий 1978 г. Международный союз охраны природы, одновременно выступающий в качестве консультативного органа Комитета, признал, что основной целью режима ОВПН выступает *охрана*

уникальных природных свойств таких объектов, а сам этот режим — проявление охраняемых территорий (в российской современной терминологии — особо охраняемых природных территорий).

Классификация 1978 г. подверглась справедливой критике по разным основаниям. Отмечалось, что первая и вторая категории охраняемых территорий хорошо известны и широко применяются на практике, а смысл и назначение остальных плохо понимаются в отдельных странах²². Несмотря на важность выделения международных природоохранных режимов, они нарушали критерий классификации, так как их обособление происходило не по цели их действия, а по уровню закрепления. Оставались неясными и причины отсутствия в разд. «С» водно-болотных угодий международного значения, определяемых в соответствии с Рамсарской конвенцией, поскольку они также представляют собой пример охраны природы, основанный на порайонном принципе. Нельзя не отметить и то, что в классификации 1978 г. отсутствовало общее определение охраняемых территорий.

Внедрение в международную нормативную систему концепции устойчивого развития в конце 1980-х — начале 1990-х гг. не могло не повлиять и на позицию МСОП в рассматриваемом вопросе. В 1994 г. появляется новая классификация охраняемых территорий, предложенная шестью группами, организованными также по целям управления, из которых был полностью исключен международный уровень²³. Дальнейшее развитие воззрений о целях создания охраняемых территорий и выполняемых ими функциях проходило в контексте признания прав местного населения на получение выгод и повышение уровня жизни посредством включения в процессы управления такими территориями. Внимание к этой тематике усиливалось на протяжении десятилетия и достигло

¹⁸ Categories, objectives and criteria for protected areas. A final report / Committee on Criteria and Nomenclature Commission on National Parks and Protected Areas. August. 1978. IUCN, Morges, 1978.

¹⁹ Мы не рассматриваем в деталях работу МСОП, предшествовавшую подготовке классификации охраняемых территорий 1978 г., подробнее об этом см.: Phillips A. A short history of the international system of protected areas management categories // Defining Protected Areas: An international conference in Almeria, Spain, May 2007 / N. Dudley, S. Stolton (eds). IUCN. Gland, 2008. P. 13–14.

²⁰ Categories, objectives and criteria for protected areas. A final report. P. 23.

²¹ Categories, objectives and criteria for protected areas. A final report. P. 23.

²² McNeely J. A., Miller K. R. IUCN, National Parks, and Protected Areas: Priorities for Action // Environmental Conservation. 1983. Vol. 10. No. 1. P. 16.

²³ Guidelines for Protected Area Management Categories. IUCN. Gland, 1994.

кульминации на Пятом всемирном конгрессе по охраняемым территориям в Дурбане, на котором была провозглашена «новая парадигма» охраняемых территорий²⁴. Как указывал один из создателей этого нового видения А. Филлипс, новое понимание ООПТ включает в себя необходимость достижения социальных и экономических целей наряду с сохранением и рекреацией, а также организацию управления в соответствии с нуждами местного населения²⁵. Данные цели предопределили и признание роли охраняемых территорий в экономике. Д. Шеппард, выступавший генеральным секретарем Конгресса в Дурбане, в статье, посвященной «новой парадигме», приводит весьма показательные примеры получения экономических выгод от деятельности в границах таких территорий в разных странах и приходит к выводу о том, что инвестиции в охраняемые территории могут обеспечить существенные выгоды для национальных и местных экономик²⁶.

Появление «новой парадигмы» вызвало напряженную дискуссию о понятии особо охраняемых природных территорий и целях их деятельности. Наиболее ярко противоположная

Дурбанскому аккорду позиция была высказана в статье известных канадских ученых Х. Лока и Ф. Дэрдена²⁷. Они привели целый ряд весомых аргументов в пользу того, что пятый и шестой виды охраняемых территорий на самом деле ими не являются²⁸, а представляют собой зоны, созданные для достижения иных целей²⁹. Кроме того, сама классификация охраняемых территорий 1994 г. допускает иную основную цель создания охраняемых территорий, чем сохранение биоразнообразия, и ведет, в частности, к раздуванию статистики по созданным охраняемым территориям за счет режимов, которые содержательно ими не являются³⁰.

Открытая дискуссия по вопросу о целях создания охраняемых территорий и их видах продолжилась после Дурбанского конгресса и не завершена до сих пор³¹. Сторонники «новой парадигмы» отчасти признали некорректность некоторых формулировок системы классификации охраняемых территорий 1994 г.³², а в защиту пятой и шестой категорий охраняемых территорий были высказаны не менее весомые аргументы³³. На момент проведения настоящего исследования действует редакция Руко-

²⁴ Она была отражена в заключительном документе Конгресса, так называемом Дурбанском аккорде (соглашении, англ.: accord).

²⁵ Phillips A. Turning Ideas on Their Head: The New Paradigm for Protected Areas // The George Wright Forum. 2003. Vol. 20. No. 2. P. 19.

²⁶ Sheppard D. The New Paradigm for Protected Areas: Implications for Managing Visitors in Protected Areas // Exploring the Nature of Management. Proceedings of the Third International Conference on Monitoring and Management of Visitor Flows in Recreational and Protected Areas. University of Applied Sciences Rapperswil, Switzerland, 13–17 September 2006 / D. Siegrist, C. Clivaz, M. Hunziker, S. Iten (eds.). University of Applied Sciences Rapperswil, Switzerland, 2006. P. 40.

²⁷ Locke H., Dearden P. Rethinking protected area categories and the new paradigm // Environmental Conservation. Vol. 32. No. 1. P. 1–10.

²⁸ Locke H., Dearden P. Op cit. P. 8.

²⁹ Прежде всего имеется в виду таблица целей создания охраняемых зон, приведенная в Руководстве по классификациям охраняемых территорий в редакции 1994 г. Она действительно допускала создание таких территорий с иной основной целью, чем сохранение биоразнообразия. См.: Guidelines for Protected Area Management Categories. P. 8.

³⁰ Locke H., Dearden P. Op. cit. P. 7.

³¹ Из публикаций недавнего времени см., например: Shafer C. L. Arguments for and against IUCN protected area management category VI with a review of state versus community governance // Journal for Nature Conservation. 2019. Vol. 53. Art. 125697; Hiron S., Collins C. M., Singh M. Assessing variation in the effectiveness of IUCN protected area categorisation. What remotely sensed forest integrity and human modification reveals across the major tropical forest biomes // Ecological Indicators. 2022. Vol. 143. Art. 109337.

³² См., например: Dudley N., Parrish J. D., Redford K. H., Stolton S. The revised IUCN protected area management categories: the debate and ways forward // Oryx. 2010. Vol. 44. No. 4. P. 485–490.

³³ См., например: In defence of protected landscapes. A reply to some criticisms of category v protected areas and suggestions for improvement / J. M. Mallarach, J. Morrison, A. Kothari [et al.] // Defining Protected Areas: An international conference in Almeria, Spain, May 2007 / N. Dudley, S. Stolton (eds). IUCN. Gland, 2008. P. 31–37.

водства по классификации охраняемых территорий, принятая в 2008 г.³⁴, в которой цели³⁵ создания охраняемых территорий получили более однозначное выражение. Охраняемая территория, согласно этим подходам, есть ясно определенное географическое пространство, признанное, выделенное и управляемое посредством правовых и других эффективных мер с целью достижения долгосрочного сохранения природы и связанных с ней экосистемных услуг и культурных ценностей³⁶. При этом в новом Руководстве прямо указывается, что для МСОП охраняемыми являются только такие территории, на которых сохранение природы выступает основной целью управления ими. Ряд авторов этого определения признают наличие приведенной ранее дискуссии относительно основных целей создания и функционирования ООПТ и выявленное общее мнение о необходимости усиления целей сохранения природы³⁷. Не может не обратить на себя внимания и замена объекта сохранения охраняемых территорий с биоразнообразия на природу, что объяснялось необходимостью придания большей гибкости определению в части различных подходов к определению природы³⁸.

Описываемые процессы отразились и на подходах к системе охраны всемирного наследия. Вплоть до 1996 г. в Руководстве закреплялось правило, согласно которому для поддержания объективности процесса оценки и избежания возможных неудобств (англ.: *embarrassment*) для всех вовлеченных в этот процесс лиц государствам-участникам следует *воздерживаться от придания чрезмерной публичности* факту номинации объекта для включения в Список вплоть до окончательного решения Комитета по соответствующей номинации. Однако формирующийся дискурс вовлечения местного населения в процессы управления

особо охраняемыми территориями и развитие идей «экологической демократии» не могли не отразиться и на целях управления объектами всемирного наследия. В 2002 г. Решением 26 СОМ 9 Комитет принимает Будапештскую декларацию, содержащую стратегические цели системы охраны всемирного наследия, представляющие собой систему 4С — по первым буквам английских слов *credibility, conservation, capacity building and communication*³⁹. В тексте этого документа обращает на себя внимание указание на необходимость обеспечить баланс между сохранением, устойчивостью и развитием, чтобы объекты всемирного наследия охранялись через деятельность, вносящую вклад в социальное и экономическое развитие и качество жизни сообществ. В этих строках очевидно прочитывается политика «новой парадигмы», проводимая Международным союзом охраны природы в тот же исторический период.

В 2007 г. по предложению Новой Зеландии этот перечень был дополнен пятым С — *communities*, призванным усилить роль сообществ⁴⁰ в выполнении Конвенции. В дальнейшем в системе охраны всемирного наследия принимались различные документы, определяющие цели данной деятельности. В 2015 г. принята Политика по интеграции перспективы устойчивого развития в процедуры Конвенции о всемирном наследии, в которой воспроизводилась позиция Будапештской декларации о необходимости поиска баланса между сохранением и устойчивым развитием⁴¹. Такое положение вещей обусловлено не в последнюю очередь отсутствием того давления представителей науки и практики охраны природы, которое оказали сторонники классической консервационной биологии на формирование международной системы охраняемых территорий в рамках деятельности МСОП. Неболь-

³⁴ Guidelines for Applying Protected Area Management Categories / N. Dudley (ed.). IUCN. Gland, 2008.

³⁵ В науке высказывались предложения о необходимости изменить критерии выделения категорий и исходить не из целей управления, а из результатов, однако такой подход не был поддержан. См., например: Change the IUCN Protected Area Categories to Reflect Biodiversity Outcomes / L. Boitani, R. M. Cowling, H. T. Dublin [et al.] // PLoS Biology. Vol. 6. No. 3. P. 436–438.

³⁶ Guidelines for Applying Protected Area Management Categories. P. 8.

³⁷ Dudley N., Parrish J. D., Redford K. H., Stolton S. Op. cit. P. 488.

³⁸ Dudley N., Parrish J. D., Redford K. H., Stolton S. Op. cit. P. 488.

³⁹ Decision 26 COM 9 Budapest Declaration on World Heritage // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/1217/> (дата обращения: 15.12.2024).

⁴⁰ Имеются в виду местное население и коренные народы.

⁴¹ Policy Document for the Integration of a Sustainable Development Perspective into the Processes of the World Heritage Convention // URL: <https://whc.unesco.org/document/139146> (дата обращения: 15.12.2024).

шой крен в пользу сохранения экосистем наблюдается в одном из новейших документов, определяющих стратегические цели системы охраны всемирного наследия, — Декларации принципов содействия международной солидарности и сотрудничеству для охраны (англ.: to preserve) всемирного наследия⁴². Помимо выведения охраны в наименование этого документа, обращает на себя внимание и провозглашение первым принципом Декларации того, что постоянная охрана наследия обладает наивысшей важностью для международного сообщества. Такой охранительный аспект режима ОВПН неслучаен и обнаруживает себя в Конвенции⁴³ — документе «строгого» международного права, положения которого должны обладать первостепенным значением при определении целей системы охраны всемирного наследия. Статья 31 Конвенции о праве международных договоров⁴⁴ закрепляет общие правила толкования международных договоров, наделяя преамбулу равным с основным текстом значением. Ее анализ явно указывает на цели *сохранения* всемирного наследия, которые призвана обеспечить Конвенция. В ней констатируется наличие угроз разрушению объектов наследия, принимается во внимание пагубность обеднения достояния всех народов мира при повреждении или исчезновении любых образцов природной среды, а также частая недостаточность ресурсов страны, на территории которой находятся ценности, подлежащие защите. Важным свидетельством приоритета обязательств по сохранению уникальных творений человека и природы, в соответствии с Конвенцией, служит и констатация того, что некоторые ценности культурного и природного наследия представляют собой исключительный интерес, что требует их *сохранения* как части наследия всего человечества.

Непосредственными правовыми последствиями включения объектов в Список явилась возможность предоставления международной помощи, прежде всего в целях обеспечения сохранения природного наследия, в особенности — в случаях катастроф и стихийных бедствий (п. 2 ст. 21 Конвенции).

В Руководстве как основном «подконвенционном» акте также прослеживается охранительная направленность режима ОВПН. Пункты 97 и 98 недвусмысленно указывают на необходимость обеспечения охраны объекта, а пункт 102 закрепляет возможность совмещения границ участков с одной или несколькими существующими и планируемыми к созданию охраняемыми территориями, такими как национальные парки или заповедники, биосферные резерваты или охраняемые культурные или исторические районы или другие территории.

Все эти обстоятельства предопределили доминирование ООПТ в качестве национальной формы воплощения режима охраны всемирного наследия. На момент написания статьи в Список внесен 231 объект всемирного природного наследия, какое-либо отклонение от принципа полного совмещения границ ООПТ с территорией ОВПН наблюдается на территориях не более 20 объектов. Причины и степень такого отклонения в различных государствах разнятся.

Так, ОВПН «Восточная часть острова Реннелл» был включен в Список в 1998 г.⁴⁵ как первый объект *природного* наследия, обладающий т. н. традиционной защитой в соответствии со сложившейся системой племенных отношений в этой части Соломоновых островов. Такая система предполагает значительные полномочия совета вождей в регулировании земельных отношений⁴⁶. Ухудшение экологического состояния объекта, связанное в первую очередь с организацией эффективной системы охраны и управления, обусловило включение

⁴² Declaration of principles to promote international solidarity and cooperation to preserve World Heritage // URL: <https://whc.unesco.org/en/declaration-of-principles> (дата обращения: 15.12.2024).

⁴³ В названии которого также упоминается только охрана объектов культурного и природного наследия.

⁴⁴ Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в Вене 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

⁴⁵ Decision 22 COM VIII.A.1 Inscription: East Rennell (Solomon Islands) // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/2741> (дата обращения: 15.12.2024).

⁴⁶ Smith A. East Rennell World Heritage Site: misunderstandings, inconsistencies and opportunities in the implementation of the World Heritage Convention in the Pacific Islands // International Journal of Heritage Studies. 2011. Vol. 17. No. 6. P. 600–601.

⁴⁷ Decision 37 COM 8C.1 Update of the List of World Heritage in Danger (inscribed properties) // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/5176> (дата обращения: 15.12.2024).

его в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, в 2013 г.⁴⁷ Эксперты миссии, посетившей остров в 2019 г., отдельно отметили необходимость признания его охраняемой территорией⁴⁸.

Еще один пример — ОВПН «Пустыня Лут», расположенный в Иране. Как указывается в оценке материалов номинации Международным союзом охраны природы, две ООПТ, созданные в границах объекта, покрывают лишь небольшую часть его территории⁴⁹.

Другие эффективные природоохранные меры на порайонной основе и объекты всемирного природного наследия

Центральным универсальным международным договором, закрепляющим наиболее общие обязательства государств в отношении создания охраняемых территорий и управления ими, является Конвенция об охране биологического разнообразия⁵⁰. Ее положения предписывают государствам, насколько это возможно и целесообразно, создавать систему охраняемых районов или районов, в которых необходимо принимать специальные меры для сохранения биологического разнообразия и разрабатывать, при необходимости, руководящие принципы отбора, создания и рационального использования указанных районов (п. а, б ст. 8).

Понятие «другие эффективные природоохранные меры на порайонной основе» (ДЭПМ) появилось в 2010 г. при разработке Стратегического плана в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия на 2011–

2020 гг. Его частью, как известно, являются т. н. цели ИТ, 11-я из которых предписывала достижение 17 %-го показателя покрытия суши и внутренних вод режимами особо охраняемых территорий и ДЭПМ. В литературе отмечается, что понятие ДЭПМ было выработано в последний момент разработки Стратегического плана для признания факта, что многие территории могут вносить вклад в сохранение биоразнообразия несмотря на то, что они официально не признаются особо охраняемыми природными территориями⁵¹. Практическое применение нового понятия вполне предсказуемо столкнулось со сложностями его единообразного понимания. Выработка общих подходов к его содержанию проходила в первую очередь с участием структур МСОП. В 2016 г. опубликован отчет Второго заседания целевой группы по ДЭПМ под эгидой Всемирной комиссии МСОП по охраняемым территориям⁵², в котором отмечены возможные критерии классификации ДЭПМ и их видов, а также проанализированы примеры из различных регионов мира.

Придание большей определенности понятию ДЭПМ произошло в связи с принятием Конференцией сторон Конвенции о биологическом разнообразии Решения 14/8, посвященного территориальным мерам по охране природы⁵³. Пункт второй этого решения закрепил понятие ДЭПМ: «меры регулирования и использования географически обозначенной территории, не являющейся охраняемым районом, таким образом, чтобы обеспечивать положительные и устойчивые долгосрочные результаты в сохранении биоразнообразия *in situ* и связанных с ним экосистемных функций и услуг, а также в

⁴⁸ World Heritage Centre / IUCN Reactive Monitoring mission to the East Rennell World Heritage Property (Solomon Islands). P. 6. URL: <https://whc.unesco.org/document/175219> (дата обращения: 15.12.2024).

⁴⁹ World Heritage Nomination — IUCN Technical Evaluation. Lut Desert (Islamic Republic of Iran) — ID 1505. P. 20 // URL: <https://whc.unesco.org/document/152819> (дата обращения: 15.12.2024).

⁵⁰ Региональное международно-правовое регулирование создания охраняемых районов представлено разнообразными источниками. См.: Скрипник И. И., Солнцев А. М. Международный механизм соблюдения государствами обязательств по управлению охраняемыми природными территориями // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2012. № 2. С. 227–228.

⁵¹ An introduction to “other effective area-based conservation measures” under Aichi Target 11 of the Convention on Biological Diversity: Origin, interpretation and emerging ocean issues / D. Laffoley, N. Dudley, H. Jonas [et al.] // Aquatic Conservation: Marine and Fresh Water Ecosystems. 2017. Vol. 27. No. S1. P. 131.

⁵² Report of the second meeting of the IUCN-WCPA task force on other effective area-based conservation measures // URL: https://iucn.org/sites/default/files/2022-08/task_force_on_oecms_-_2nd_meeting_report_-_vilm_-_july_2016_0.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

⁵³ Охраняемые районы и другие эффективные природоохранные меры на порайонной основе. CBD/COP/DEC/14/8 // URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-14/cop-14-dec-08-ru.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

соответствующих случаях культурных, духовных, социально-экономических и прочих ценностей, имеющих значение на местном уровне». Третье приложение к указанному Решению закрепило научно-технические рекомендации по другим эффективным природоохранным мерам на порайонной основе. Более подробно содержание анализируемой категории с учетом Решения 14/8 раскрыто в издании, подготовленном целевой группой по ДЭПМ в 2019 г. (далее — Руководство по ДЭПМ)⁵⁴.

В 2022 г. на 15-й Конференции сторон Конвенции о биологическом разнообразии была принята Куньминско-Монреальская глобальная рамочная программа в области биоразнообразия⁵⁵. Анализируемое понятие ДЭПМ вошло в число территорий, учитываемых для достижения показателя 30×30⁵⁶.

Появление понятия ДЭПМ было в определенном смысле неизбежным, поскольку, действительно, достаточно давно было известно о существовании территорий, которые не являются ООПТ, однако обеспечивают долгосрочные результаты в сохранении биоразнообразия *in situ*. Таковы, например, охотничьи угодья, на которых осуществляется спортивная охота, или морские братские могилы, охрана которых имеет своим побочным эффектом обеспечение долгосрочного сохранения биоразнообразия⁵⁷.

Руководство по ДЭПМ закрепляет подход, согласно которому другие эффективные меры по охране природы на порайонной основе не должны совпадать с ООПТ, а также содействовать достижению целей сохранения биоразнообразия *in situ* тремя путями⁵⁸. Во-первых, территория может отвечать всем признакам ООПТ и иметь сохранение природы основной целью, однако не признаваться таковой государством, напри-

мер по причине необходимости соблюдения прав коренных народов. Во-вторых, она может выполнять указанные функции сохранения вторично, как, например, это имеет место при охране водосборного бассейна в целях водопользования. В-третьих, сохранение биоразнообразия может носить дополнительный характер, как в случае с охраной затонувших кораблей.

Достаточно общие признаки ДЭПМ определяют необходимость углубленного анализа признаков каждой территории в соответствии с разработанным Международным союзом охраны природы Инструментом местного уровня для выявления ДЭПМ⁵⁹. Согласно Всемирной базе данных охраняемых природных территорий, по состоянию на момент подготовки настоящего исследования в России нет территорий, рассматриваемых как ДЭПМ⁶⁰. В Пятом национальном докладе РФ «Сохранение биоразнообразия в Российской Федерации», подготовленном в 2019 г., при анализе достижения показателей 11-й цели ИТ констатируется, что, помимо ООПТ, развивается система иных охраняемых природных территорий: защитные леса и особо защитные участки леса, водоохранные зоны и прибрежные защитные полосы, рыбоохранные и рыбохозяйственные заповедные зоны, зона охраны охотничьих ресурсов⁶¹. В условиях формирующегося содержания понятия ДЭПМ, вероятно, каждая из указанных категорий должна будет подвергнуться отдельному анализу. Например, неясно, отвечают ли все защитные леса или водоохранные зоны априори признаку управляемости, поскольку управление предполагает наличие плана, показателей, оценки результатов и пр.

В Канаде, по данным того же информационного ресурса, 311 ДЭПМ⁶², в Колумбии —

⁵⁴ Recognising and reporting other effective area-based conservation measures // URL: <https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/PATRS-003-En.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

⁵⁵ CBD/COP/DEC/15/4 // URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-15/cop-15-dec-04-ru.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

⁵⁶ Покрытие к 2030 г. не менее 30 % территории планеты территориальными мерами по охране природы.

⁵⁷ К их числу относится охраняемая гавань Скапа-Флоу в Шотландии, в которой самостоятельную охрану получили затонувшие корабли и их обломки. См.: *Oxley I. Towards the Integrated Management of Scotland's Cultural Heritage: Examining Historic Shipwrecks as Marine Environmental Resources // World Archaeology. Vol. 32. No. 3. P. 419.*

⁵⁸ Recognising and reporting other effective area-based conservation measures. P. 3.

⁵⁹ Site-level tool for identifying other effective area-based conservation measures (OECMs) // URL: <https://portals.iucn.org/library/sites/library/files/documents/PATRS-006-En.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

⁶⁰ URL: <https://www.protectedplanet.net/country/RUS> (дата обращения: 15.12.2024).

⁶¹ URL: <https://cbd.int/doc/world/ru/ru-nr-05-ru.pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

⁶² URL: <https://www.protectedplanet.net/country/CAN> (дата обращения: 15.12.2024).

55⁶³, а, например, в Германии⁶⁴ и Австралии — ноль⁶⁵.

Исследование ДЭПМ как юридического явления должно прежде всего принимать во внимание его изначальное предназначение как инструмента, обеспечивающего выполнение государствами своих обязательств, вытекающих из участия в Конвенции о биологическом разнообразии. Такая «статистическая» функция ДЭПМ просматривается во многих методических документах МСОП, а Руководство по ДЭПМ называется на английском языке *Recognising and reporting other effective area-based conservation measures*. Такой фокус внимания не мог не привести к сложностям во внедрении новой категории в национальные правовые системы на уровне как нормативных источников, так и юридической доктрины⁶⁶.

Пожалуй, наиболее емко природа ДЭПМ определена в правопорядке Канады. В принятом в 2022 г. Руководстве по признанию морских других эффективных мер по охране природы на порайонной основе закрепляется, что, в отличие от морских особо охраняемых природных территорий, ДЭПМ представляет собой программно-политический⁶⁷ и научный статус, которым наделяется определенная территория, отвечающая критериям, установленным в этом Руководстве⁶⁸. Примечательно и содержание седьмого раздела указанного документа,

посвященного передаче информации о ДЭПМ в систему Конвенции о биологическом разнообразии, что также подчеркивает назначение анализируемого явления.

Несмотря на то что ДЭПМ сами по себе не являются строго юридическим режимом, определяющим особенности сохранения биоразнообразия, мы полагаем, что они способны оказать существенное воздействие на сохранение биоразнообразия, которое может иметь как положительный, так и негативный характер. Нельзя не согласиться с положениями всех методических документов и решений, принятых Конференцией стран — участниц Конвенции о биологическом разнообразии по вопросу ДЭПМ, в том, что многие территории, такие как упоминавшиеся охотничьи угодья, обособляемые для спортивной охоты⁶⁹, не имеют первичной целью сохранение биоразнообразия, однако при должном управлении его обеспечивают. Однако одновременно распространение подходов ДЭПМ несет и существенные риски для развития национальных систем охраны природы.

Первая озабоченность проистекает из бросающегося в глаза временного совпадения в описанных ранее в настоящей статье тенденциях признания Международным союзом охраны природы особо охраняемыми природными территориями режимов, которые не имеют

⁶³ URL: <https://www.protectedplanet.net/country/COL> (дата обращения: 15.12.2024).

⁶⁴ В научных публикациях отмечается значительный потенциал ДЭПМ для достижения ФРГ показателей третьей цели Куньминско-Монреальской глобальной рамочной программы по сохранению биоразнообразия при условии разработки критериев и процедур их выявления, регистрации и мониторинга. См.: *Kopsieker L., Disselhoff T. The contribution of private land conservation to 30x30 in Germany // Frontiers in Conservation Science. 2024. Vol. 4. Art. 1324928. P. 4–5.*

⁶⁵ В отношении ситуации в Австралии научным сообществом также отмечается необходимость разработки более ясных критериев для квалификации территорий по ДЭПМ и возможности их учета в достижении целей 30x30. См.: *Fitzsimons J. A., Partridge T., Keen R. Other Effective Area-Based Conservation Measures (OECMs) in Australia: Key Considerations for Assessment and Implementation // Conservation. 2024. Vol. 4. No. 2. P. 195.*

⁶⁶ В науке отмечается, что существующие методические документы по ДЭПМ практически игнорируют юридические вопросы. См.: *Paterson A. Scoping the Potential Influence of Law on Terrestrially Located Other Effective Area-Based Conservation Measures // Law, Environment and Development Journal. 2023. Vol. 18. No. 1. P. 36.*

⁶⁷ В оригинале на английском языке используется выражение *a policy status*, во французском *le statut politique*, но его перевод как «политический статус», по нашему мнению, может создать ненужную путаницу в терминологии.

⁶⁸ *Guidance for Recognizing Marine Other Effective Area-Based Conservation Measures / Government of Canada, 2022. P. 11 // URL: https://waves-vagues.dfo-mpo.gc.ca/library-bibliotheque/41110468.pdf* (дата обращения: 15.12.2024).

⁶⁹ См., например: *Minin E., Leader-Williams N., Bradshaw C. J. A. Banning Trophy Hunting Will Exacerbate Biodiversity Loss // Trends in Ecology & Evolution. 2016. Vol. 31. No. 2. P. 99–102.*

основной целью сохранение разнообразия, и появления понятия ДЭПМ. Опасность девальвации понятия «особо охраняемая природная территория», которой удалось избежать путем признания МСОП обязательности сохранения природы в качестве основной цели создания ООПТ, образно говоря, переместилась уровнем выше путем признания учета в показателях 30×30 других эффективных мер по охране природы на порайонной основе. Эта опасность была уже отмечена разными исследователями применительно к различным национальным контекстам. Нельзя не согласиться с канадскими исследователями, выразившими беспокойство по поводу возможности сокращения количества вновь создаваемых ООПТ по причине санкционирования учета других территорий при оценке выполнения целей, провозглашаемых системой охраны биоразнообразия⁷⁰. Это явление уже получило наименование blue washing, а анализ 193 ДЭПМ по состоянию на 2022 г. показал наличие серьезных проблем в управлении ими⁷¹. Международная нормативная система оказывает существенное влияние на развитие системы территориальной охраны природы на внутригосударственном уровне, в связи с чем возможность «зачета» ДЭПМ при достижении целей 30×30 должна сопровождаться постоянно транслируемыми недвусмысленными сигналами о недопустимости их создания в ущерб системе ООПТ.

Эти опасения могут быть сформулированы и в отношении режимов правовой охраны ОВПН. Как было показано, практика их охраны исходит из оптимальности ООПТ в качестве внутригосударственного юридического режима обеспечения сохранности атрибутов выдающейся универсальной ценности, обуславливающих их внесение в Список. На 46-й сессии Комитета, прошедшей в 2024 г., угрозы

реализации проектов экономического развития были названы критическим фактором, угрожающим объектам всемирного наследия. Среди них отмечены как небольшие проекты жилищного строительства, так и крупномасштабное развитие различных видов инфраструктуры⁷². Даже в существующих условиях преимущественного совпадения границ ОВПН с границами ООПТ такие проекты всё же реализуются и приводят к существенным нарушениям экологического состояния уникальных природных комплексов. Проекты нефтедобывающей промышленности и сокращение ООПТ повлекли исключение из Списка резервата аравийской антилопы в 2007 г.⁷³, строительство плотины ГЭС в границах охотничьего резервата Селус также чуть было не привело к его делистингу из указанного Списка, миновать который удалось лишь по политическим причинам.

В такой ситуации появление еще одного родового понятия, описывающего территориальные подходы к охране природы, создает соблазн отойти от практики признания ОВПН особо охраняемыми природными территориями и предоставлять им правовую охрану с иными основными целями, чем сохранение природных атрибутов выдающейся универсальной ценности, как это неизбежно имеет место при создании ООПТ.

Мы полагаем, что своеобразным препятствием для размывания природоохранной сущности режима охраны всемирного природного наследия могут стать однозначные позиции МСОП и Комитета о необходимости использования режима ООПТ в качестве внутригосударственной формы охраны выдающейся универсальной ценности ОВПН. Исключения из этого правила должны носить единичный характер и быть детально аргументированными.

⁷⁰ Canada and Aichi Biodiversity Target 11: understanding “other effective area-based conservation measures” in the context of the broader target / D. MacKinnon, C. J. Lemieux, K. Beazley [et al.] // *Biodiversity Conservation*. 2015. Vol. 24. P. 3577.

Сходные опасения высказывались и австралийскими учеными в цитированной ранее публикации. См.: *Fitzsimons J. A., Partridge T., Keen R.* Op. cit. P. 194.

⁷¹ Avoiding the misuse of other effective area-based conservation measures in the wake of the blue economy / J. Claudet, N. C. Ban, J. Blythe [et al.] // *One Earth*. Vol. 5. No. 9. P. 970–971.

⁷² State of conservation of World Heritage properties. WHC/24/46.COM/7 // URL: <https://whc.unesco.org/document/206887> (дата обращения: 15.12.2024).

⁷³ Decision 31 COM 7B.11 State of conservation of World Heritage properties — Arabian Oryx Sanctuary // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/1392> (дата обращения: 15.12.2024).

Сложные случаи: центральная экологическая зона Байкальской природной территории

Одним из такого рода случаев на настоящий момент является территория ОВПН «Озеро Байкал». Решение вопроса о внутрисударственном выражении этого режима имеет чрезвычайно важное прикладное значение, поскольку ясность касательно его юридической природы будет определять цели и способы управления и охраны уникальной экосистемы озера.

Как известно, территория ОВПН «Озеро Байкал» совпадает с территорией центральной экологической зоны Байкальской природной территории (ЦЭЗ БПТ), за исключением территории пяти населенных пунктов, которые были изъяты из состава границ ОВПН при внесении озера в Список в 1996 г.⁷⁴ Территория ЦЭЗ БПТ лежит в границах двух субъектов Федерации, включает значительное число населенных пунктов, особо охраняемых территорий разных видов и категорий, а также две особые экономические зоны. Единый орган управления ЦЭЗ БПТ отсутствует, функции координации государственного управления охраной уникальной экосистемы осуществляет Правительственная комиссия по вопросам охраны озера Байкал.

Исходя из системы действующего позитивного регулирования центральная экологическая зона Байкальской природной территории особо охраняемой территорией не является, поскольку не отвечает критерию «признанности» государством — формальному провозглашению ее таковой в соответствии с принятой национальной процедурой. Закон об особо охраняемых территориях⁷⁵, как известно, содержит закрытый перечень ООПТ, и ЦЭЗ БПТ в него не входит.

Попытка примерить на ЦЭЗ БПТ рассмотренную категорию ДЭПМ *prima facie*, казалось бы, приводит к положительным результатам: ДЭПМ, как было показано, может объявляться территория, которая отвечает всем признакам ООПТ, но которую государство не желает объявлять таковой. Выпадение ЦЭЗ БПТ из системы категорий ООПТ не позволяет квалифицировать

ее как таковую. Равным образом в 1996 г. в ситуации только формирующегося нового законодательства об охране природы провозглашение значительной по размерам территории, на которой проживает большое число граждан, особо охраняемой природной территорией было затруднительным и по политико-идеологическим мотивам.

Однако углубленный анализ показывает, что квалификация всей ЦЭЗ БПТ (и всей территории ОВПН) в качестве ДЭПМ невозможна по причине нахождения в ее составе классических ООПТ⁷⁶. Все рассмотренные методические документы в области учета и отчетности территориальных мер охраны природы указывают на невозможность одновременного учета территории как ООПТ и ДЭПМ.

Таким образом, приходится констатировать, что режим ЦЭЗ БПТ повисает в юридическом вакууме, не будучи соотношенным с какой-либо более общей юридической категорией, описывающей территориальную охрану природы, что нарушает качество системности правового регулирования. Каким бы самобытным ни был устанавливаемый режим, учитывая поистине уникальные характеристики экосистемы Байкала, он должен встраиваться в существующую систему правовых категорий, иерархически ведущую к акту высшей юридической силы — Конституции.

De lege ferenda существует два способа обеспечения такой согласованности. Первый — создание федеральной территории в границах ЦЭЗ БПТ. Этот вариант периодически предлагается различными представителями органов власти и общественных организаций⁷⁷. Констатируя принципиальную возможность такого решения, мы полагаем, что оно как минимум преждевременно, а как максимум — не отвечает интересам сохранения Байкала. Мировой практике действительно известны примеры выделения отдельных административно-территориальных образований, которые целиком совпадают с границами ООПТ и имеют своей первичной функцией их сохранение. Такова,

⁷⁴ Decision 20 COM VIII.A Inscription: Lake Baikal (Russian Federation) // URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/2968> (дата обращения: 15.12.2024).

⁷⁵ Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.

⁷⁶ Особо охраняемые территории занимают 29 % ее площади. См.: Байкал и Байкальская природная территория // URL: <https://baikalake.ru/about/guard/> (дата обращения: 15.12.2024).

⁷⁷ В ВООП считают необходимым сделать Байкал и Прибайкалье федеральной территорией // URL: <https://tass.ru/obschestvo/22511457> (дата обращения: 15.12.2024).

например, провинция Галапагос в Эквадоре. Однако Галапагосские острова территориально удалены от основной территории государства, а их особый статус, выраженный в законе, имеет свои корни в конституции государства, в которую специально вносились изменения для того, чтобы определить особый режим охраны этой уникальной экосистемы.

Федеральная территория как правовая конструкция чрезвычайно молода, на момент проведения настоящего исследования создана только одна такая территория — Сириус⁷⁸. Но все параметры этого явления позволяют однозначно утверждать, что охрана природы не выступает в качестве основной цели его создания. Признание ЦЭЗ БПТ федеральной территорией способно сильно сместить идеологический акцент с целей охраны природы⁷⁹ на достижение иных (прежде всего социальных и экономических) целей управления. Любое изменение режима охраны озера Байкал должно исходить из сохранения и усиления режима центральной экологической зоны Байкальской природной территории, поскольку его появление стало без преувеличения достижением отечественной науки, общественности и власти. Создание федеральной территории в границах ЦЭЗ БПТ несет в себе риск «распечатывания» исходных принципов зонирования Байкальской природной территории, что вовсе не гарантирует усиления состояния сохранности озера, поскольку озеро является точкой пересечения значительного числа экономических интересов, не каждый из которых носит устойчивый характер⁸⁰. В этой связи благие намерения могут послужить своеобразным тараном для глобального изменения правил игры в Байкальском регионе.

Создание федеральной территории неизбежно повлечет за собой изменение границ Иркутской области и Республики Бурятия, что

приведет к перераспределению доходов бюджетов не в пользу двух субъектов Федерации. Наконец, сам факт федерального подчинения способен спровоцировать виток социальной напряженности, вызванной бытующими в ЦЭЗ БПТ взглядами о проводимой политике отчуждения местных жителей от озера.

Второй вариант вписывания ЦЭЗ БПТ в систему территориальных мер по охране природы предполагает ее признание особо охраняемой природной территорией. Как отмечалось, ЦЭЗ БПТ отвечает всем основным признакам ООПТ, за исключением одного — формального — признания ее таковой законом. Ее границы определены территориально, в их пределах реализуется государственная политика по сохранению уникальной экосистемы путем установления ограничений различных видов человеческой деятельности в соответствии со специальным правовым режимом. Отсутствие формального признания проистекает прежде всего из сложности квалификации вида такой ООПТ, поскольку состав территории подобных размеров не предполагает ее включения в какую-либо классификационную группу.

Однако это обстоятельство вовсе не является препятствием для признания ЦЭЗ БПТ особо охраняемой природной территорией. Как раз для таких случаев как во внутренних правовых системах, так и в международной нормативной системе выработано специальное понятие — явление *sui generis*. Неподдающиеся классификациям явления встречаются в различных областях правового регулирования и окружающей человека действительности вообще. Для их характеристики и используется указанное понятие явлений, которые «сами себе род», явлений особого рода. Им обозначают специальные права заимствования Международного валютного фонда⁸¹, правовую природу Европейского Сою-

⁷⁸ Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”» // СЗ РФ. 2020. № 52. Ст. 8583.

⁷⁹ При любой трактовке слов «экологическая» и «природная» в словосочетании «центральная экологическая зона Байкальской природной территории» предопределяют природоохранное, консервационистское начало этого режима.

⁸⁰ Например, в границах ЦЭЗ БПТ расположено Холоднинское месторождение полиметаллических руд, разработка которого стала невозможна после определения границ ЦЭЗ БПТ и их совмещения с границами ОВПН «Озеро Байкал». См.: Особенности освоения, воспроизводства и прогноз развития по 2040 год сырьевой базы свинца и цинка России / Я. В. Алексеев, Д. А. Корчагина, Д. А. Куликов [и др.] // Отечественная геология. 2024. № 2. С. 29.

⁸¹ Carroll M. B. SDRs — A Sui Generis Concept in International Monetary Law // International Lawyer. Vol. 4. No. 2. P. 269–275.

за⁸², режим охраны традиционных знаний⁸³ и многие другие юридические феномены. Эта же конструкция может быть применена к ЦЭЗ БПТ — она представляет собой экстраординарную особо охраняемую природную территорию (ООПТ *sui generis*), порожденную особыми политико-правовыми условиями общественной практики конца 90-х гг. XX в. Такое описание юридической природы ЦЭЗ БПТ отличается от предложенного в литературе⁸⁴ и поддерживаемого белорусским законодательством понятия «особо охраняемая территория международного значения»⁸⁵. Как было показано ранее в настоящей статье, МСОП справедливо отказался от деления ООПТ исходя из принадлежности их нормативной основы к национальному или международному правопорядку, а концепт ООПТ *sui generis* может быть использован и вне выполнения международных обязательств Российской Федерации для охраны пространственно протяженных природных объектов или территорий, на которых проживает значительное число граждан.

Экстраординарные особо охраняемые природные территории представляют собой теоретическую конструкцию, которая должна быть транспонирована в позитивное право исходя из действующей в конкретный исторический момент системы правовых текстов. Реализация высказанных предложений предполагает внесение изменений и дополнений в Закон об особо охраняемых природных территориях с указанием на возможность создания ООПТ путем принятия отдельного федерального закона⁸⁶. Общие положения об ООПТ подлежат применению к таким ООПТ в части, не урегулированной специальным законодательством, в той мере, в которой они не противоречат таким специальным нормам. В свою очередь, Закон

об охране озера Байкал⁸⁷ подлежит дополнению указанием на то, что территория ЦЭЗ БПТ представляет собой ООПТ.

Такое решение ясно и четко обозначит природоохранный приоритет государственной политики в отношении озера Байкал, позволит сконцентрировать управление охраной уникальной экосистемы в руках единой администрации ЦЭЗ БПТ, провести ее единое зонирование и разработать план управления в соответствии со стандартами системы охраны всемирного наследия.

Заключение

Изложенные в статье проблемы представляют собой, с одной стороны, одно из проявлений поиска оптимальных способов отношений человека и природы, а с другой — одну из граней экологического кризиса, вызванного доминирующими способами производства, основанными на изъятии невозобновляемых ресурсов, и установившейся системой отношений между Глобальными Севером и Югом.

По современным данным, только в 3 % из 772 экологических регионов мира отмечалось снижение антропогенной нагрузки более чем на 20 %, в то время как ее рост более чем на 20 % отмечен в 71 % экологических регионов⁸⁸. За период с 2000 по 2018 г. в мировом масштабе отмечается снижение показателей нетронутой дикой природы, из которой 2,1 млн кв. км было преобразовано человеком⁸⁹.

Принципиальное изменение подходов к территориальной охране природы в мире должно быть связано с изменением основ международной экономической системы, поскольку на на-

⁸² *Phelan W.* What Is Sui Generis About the European Union? Costly International Cooperation in a Self-Contained Regime // *International Studies Review*. 2012. Vol. 14. No. 3. P. 367–385.

⁸³ *Osei-Tutu J. J.* Emerging Scholars Series: A Sui Generis Regime for Traditional Knowledge: The Cultural Divide in Intellectual Property Law // *Marquette Intellectual Property Law Review*. 2011. Vol. 15. No. 1. P. 147–215.

⁸⁴ *Рыженков А. Я.* О принципах охраны озера Байкал // *Вестник Омской юридической академии*. 2018. № 2. С. 141.

⁸⁵ Закон Республики Беларусь от 15.11.2018 № 150-З «Об особо охраняемых природных территориях» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 13 декабря 2018 г. № 2/2588.

⁸⁶ Ординарные ООПТ при предлагаемом подходе продолжают свое существования в составе ЦЭЗ БПТ, выступающей в качестве «зонтичного» режима.

⁸⁷ Федеральный закон от 01.05.1999 № 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» // *СЗ РФ*. 1999. № 18. Ст. 2220.

⁸⁸ Sixteen years of change in the global terrestrial human footprint and implications for biodiversity conservation / O. Venter, E. W. Sanderson, A. Magrath [et al.] // *Nature Communications*. 2016. Vol. 7. Art. 12558. P. 3.

⁸⁹ A global record of annual terrestrial Human Footprint dataset from 2000 to 2018 / H. Mu, X. Li, Y. Wen [et al.] // *Scientific Data*. 2022. Vol. 9. Art. 176. P. 7.

стоящий момент развивающиеся страны Юга обеспечивают свое развитие во многом за счет освоения нетронутых природных пространств. Практика охраны объектов всемирного природного наследия дает тому подтверждение. Добыча полезных ископаемых отмечена как угроза в 393 отчетах о состоянии 47 ОВПН⁹⁰, строительство гидротехнических сооружений — в 298 отчетах о 37 ОВПН⁹¹. Эти цифры отражают стремление к обеспечению экономического роста, который должен достигаться в том числе за счет доступа к передовым технологиям, предоставляемого странами Севера, раньше прошедшими период индустриального развития.

С точки зрения использования юридических механизмов мы полагаем необходимыми

сохранение классических территориальных подходов к охране природы и недопустимость девальвации понятия «особо охраняемая природная территория». Иные эффективные территориальные средства охраны природы на порайонной основе должны носить вспомогательный по отношению к ООПТ характер и подвергаться строгой оценке на предмет достижения долгосрочного эффекта по сохранению биоразнообразия. В свою очередь, общепланетарная значимость объектов всемирного природного наследия, внесенных в Список, предопределяет необходимость их национально-правовой охраны с использованием режима особо охраняемой природной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов А. П. Территориальная охрана природы в России и Республике Словакия: сравнительно-правовой аспект // Вестник Томского университета. Право. 2017. № 26. С. 91–99.

Особенности освоения, воспроизводства и прогноз развития по 2040 год сырьевой базы свинца и цинка России / Я. В. Алексеев, Д. А. Корчагина, Д. А. Куликов [и др.] // Отечественная геология. 2024. № 2. С. 19–37.

Рыженков А. Я. О принципах охраны озера Байкал // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 2. С. 137–141.

Скрипник И. И., Солнцев А. М. Международный механизм соблюдения государствами обязательств по управлению охраняемыми природными территориями // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2012. № 2. С. 224–240.

Тишков А. А. Сто лет методологии территориальной охраны природы России (к 100-летию заповедного дела) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2017. № 1. С. 8–19.

Чибилёв А. А., Ахмеденов К. М., Рамазанов С. К. Перспективы развития сети территориальной охраны природы Западного Казахстана // Бюллетень Оренбургского научного центра УрО РАН. 2018. № 4. С. 1–13.

A global record of annual terrestrial Human Footprint dataset from 2000 to 2018 / H. Mu, X. Li, Y. Wen [et al.] // Scientific Data. 2022. Vol. 9. Art. 176.

An introduction to «other effective area-based conservation measures» under Aichi Target 11 of the Convention on Biological Diversity: Origin, interpretation and emerging ocean issues / D. Laffoley, N. Dudley, H. Jonas [et al.] // Aquatic Conservation: Marine and Fresh Water Ecosystems. 2017. Vol. 27. No. S1. P. 130–137.

Arrowsmith C., Mirksrimi S. H. The history of the changing nature of protected area management objectives // Environmental Resources Research. 2017. Vol. 5. No. 1. P. 73–87.

Avoiding the misuse of other effective area-based conservation measures in the wake of the blue economy / J. Claudet, N. C. Ban, J. Blythe [et al.] // One Earth. Vol. 5. No. 9. P. 969–974.

Canada and Aichi Biodiversity Target 11: understanding «other effective area-based conservation measures» in the context of the broader target / D. MacKinnon, C. J. Lemieux, K. Beazley [et al.] // Biodiversity Conservation. 2015. Vol. 24. P. 3559–3581.

Carroll M. B. SDRs — A Sui Generis Concept in International Monetary Law // International Lawyer. 2008. Vol. 4. No. 2. P. 269–275.

Categories, objectives and criteria for protected areas. A final report / Committee on Criteria and Nomenclature Commission on National Parks and Protected Areas. August. 1978. IUCN, Morges, 1978. 26 p.

⁹⁰ State of Conservation // URL: https://whc.unesco.org/en/soc/?action=list&sitescategory=2&id_threats=100 (дата обращения: 15.12.2024).

⁹¹ State of Conservation.

Change the IUCN Protected Area Categories to Reflect Biodiversity Outcomes / L. Boitani, R. M. Cowling, H. T. Dublin [et al.] // *PLoS Biology*. Vol. 6. No. 3. P. 436–438.

Colten C. E., Dilsaver L. M. The Hidden Landscape of Yosemite National Park // *Journal of Cultural Geography*. 2005. Vol. 22. No. 2. P. 27–50.

Dudley N., Parrish J. D., Redford K. H., Stolton S. The revised IUCN protected area management categories: the debate and ways forward // *Oryx*. 2010. Vol. 44. No. 4. P. 485–490.

Fitzsimons J. A., Partridge T., Keen R. Other Effective Area-Based Conservation Measures (OECMs) in Australia: Key Considerations for Assessment and Implementation // *Conservation*. 2024. Vol. 4. No. 2. P. 176–200.

Hirons S., Collins C. M., Singh M. Assessing variation in the effectiveness of IUCN protected area categorisation. What remotely sensed forest integrity and human modification reveals across the major tropical forest biomes // *Ecological Indicators*. 2022. Vol. 143. art. 109337.

In defence of protected landscapes. A reply to some criticisms of category v protected areas and suggestions for improvement / J. M. Mallarach, J. Morrison, A. Kothari [et al.] // *Defining Protected Areas: An international conference in Almeria, Spain, May 2007* / N. Dudley, S. Stolton (eds). IUCN. Gland, 2008. P. 31–37.

Jackson T. W. The Creation of Yellowstone National Park // *The Mississippi Valley Historical Review*. 1942. Vol. 29. No. 2. P. 187–206.

Kopsieker L., Disselhoff T. The contribution of private land conservation to 30×30 in Germany // *Frontiers in Conservation Science*. 2024. Vol. 4. Art. 1324928.

MacKenzie J. M. *The Empire of Nature, Hunting, Conservation and British Imperialism*. Manchester University Press, 1988. 340 p.

McNeely J. A., Miller K. R. IUCN, National Parks, and Protected Areas: Priorities for Action // *Environmental Conservation*. 1983. Vol. 10. No. 1. P. 13–21.

Minin E., Leader-Williams N., Bradshaw C. J. A. Banning Trophy Hunting Will Exacerbate Biodiversity Loss // *Trends in Ecology & Evolution*. 2016. Vol. 31. No. 2. P. 99–102.

Osei-Tutu J. J. Emerging Scholars Series: A Sui Generis Regime for Traditional Knowledge: The Cultural Divide in Intellectual Property Law // *Marquette Intellectual Property Law Review*. 2011. Vol. 15. No. 1. P. 147–215.

Oxley I. Towards the Integrated Management of Scotland's Cultural Heritage: Examining Historic Shipwrecks as Marine Environmental Resources // *World Archaeology*. Vol. 32. No. 3. P. 413–426.

Paterson A. Scoping the Potential Influence of Law on Terrestrially Located Other Effective Area-Based Conservation Measures // *Law, Environment and Development Journal*. 2023. Vol. 18. No. 1. P. 32–50.

Phelan W. What Is Sui Generis About the European Union? Costly International Cooperation in a Self-Contained Regime // *International Studies Review*. 2012. Vol. 14. No. 3. P. 367–385.

Phillips A. A short history of the international system of protected areas management categories // *Defining Protected Areas: An international conference in Almeria, Spain, May 2007* / N. Dudley, S. Stolton (eds). IUCN. Gland, 2008. P. 13–17.

Phillips A. Turning Ideas on Their Head: The New Paradigm for Protected Areas // *The George Wright Forum*. 2003. Vol. 20. No. 2. P. 8–32.

Prendergast D. K., Adams W. M. Colonial wildlife conservation and the origins of the Society for the Preservation of the Wild Fauna of the Empire (1903–1914) // *Oryx*. 2003. Vol. 37. No. 2. P. 251–260.

Shafer C. L. Arguments for and against IUCN protected area management category VI with a review of state versus community governance // *Journal for Nature Conservation*. 2013. Vol. 53. Art. 125697.

Sheppard D. The New Paradigm for Protected Areas: Implications for Managing Visitors in Protected Areas // *Exploring the Nature of Management. Proceedings of the Third International Conference on Monitoring and Management of Visitor Flows in Recreational and Protected Areas*. University of Applied Sciences Rapperswil, Switzerland, 13–17 September 2006 / D. Siegrist, C. Clivaz, M. Hunziker, S. Iten (eds.). University of Applied Sciences Rapperswil, Switzerland, 2006. P. 33–45.

Sixteen years of change in the global terrestrial human footprint and implications for biodiversity conservation / O. Venter, E. W. Sanderson, A. Magrath [et al.] // *Nature Communications*. 2016. Vol. 7. Art. 12558.

Smith A. East Rennell World Heritage Site: misunderstandings, inconsistencies and opportunities in the implementation of the World Heritage Convention in the Pacific Islands // *International Journal of Heritage Studies*. 2011. Vol. 17. No. 6. P. 592–607.

REFERENCES

- Alekseev YaV, Korchagina DA, Kulikov DA, et al. Features of development, reproduction and forecast of development by 2040 of the raw material base of lead and zinc in Russia. *Otechestvennaya geologiya*. 2024;2:19-37. (In Russ.).
- Anisimov AP. Territorial nature protection in Russia and the Republic of Slovakia: Comparative legal aspect. *Vestnik Tomskogo universiteta. Pravo*. 2017;26:91-99. (In Russ.).
- Arrowsmith C, Mirksrimi SH. The history of the changing nature of protected area management objectives. *Environmental Resources Research*. 2017;5(1):73-87.
- Boitani L, Cowling RM, Dublin HT, Mace M, Parrish J, Possingham HP, Pressey RL, Rondinini C, Wilson KA. Change the IUCN Protected Area Categories to Reflect Biodiversity Outcomes. *PLoS Biology*. 6(3):436-438.
- Carroll MB. SDRs — A Sui Generis Concept in International Monetary Law. *International Lawyer*. 4:(2):269-275.
- Categories, objectives and criteria for protected areas. A final report. Committee on Criteria and Nomenclature Commission on National Parks and Protected Areas. August. 1978. IUCN, Morges; 1978.
- Chibilev AA, Akhmedenov KM, Ramazanov SK. Prospects for the development of a network of territorial nature protection in Western Kazakhstan. *Byulleten Orenburgskogo nauchnogo centra UrO RAN*. 2018;4:1-13. (In Russ.).
- Claudet J, Ban NC, Blythe J, Briggs J, et al. Avoiding the misuse of other effective area-based conservation measures in the wake of the blue economy. *One Earth*. 5(9):969-974.
- Colten CE, Dilsaver LM. The Hidden Landscape of Yosemite National Park. *Journal of Cultural Geography*. 2005;22(2):27-50.
- Dudley N, Parrish JD, Redford KH, Stolton S. The revised IUCN protected area management categories: The debate and ways forward. *Oryx*. 2010;44(4):485-490.
- Fitzsimons JA, Partridge T, Keen R. Other Effective Area-Based Conservation Measures (OECMs) in Australia: Key Considerations for Assessment and Implementation. *Conservation*. 2024;4(2):176-200.
- Hirons S, Collins CM, Singh M. Assessing variation in the effectiveness of IUCN protected area categorization. What remotely sensed forest integrity and human modification reveals across the major tropical forest biomes. *Ecological Indicators*. 2022;143. Article 109337.
- Jackson TW. The Creation of Yellowstone National Park. *The Mississippi Valley Historical Review*. 1942;29(2):187-206.
- Kopsieker L, Disselhoff T. The contribution of private land conservation to 30 × 30 in Germany. *Frontiers in Conservation Science*. 2024;4. Art. 1324928.
- Laffoley D, Dudley N, Jonas H, MacKinnon D, MacKinnon K, Hockings M, Woodley S. An introduction to «other effective area-based conservation measures» under Aichi Target 11 of the Convention on Biological Diversity: Origin, interpretation and emerging ocean issues. *Aquatic Conservation: Marine and Fresh Water Ecosystems*. 2017;27:130-137.
- MacKenzie JM. *The Empire of Nature, Hunting, Conservation and British Imperialism*. Manchester University Press; 1988.
- MacKinnon D, Lemieux CJ, Beazley K, Woodley S, Helie R, Perron J, Elliott J, Haas C, Langlois J, Lazaruk H, Beechy T, Gray P. Canada and Aichi Biodiversity Target 11: Understanding «other effective area-based conservation measures» in the context of the broader target. *Biodiversity Conservation*. 2015;24:3559-3581.
- Mallarach JM, Morrison J, Kothari A, Sarmiento F, Aauri JA, Wishitemi B. In defense of protected landscapes. A reply to some criticisms of category v protected areas and suggestions for improvement. Defining Protected Areas: An international conference in Almeria, Spain, May 2007. Dudley N, Stolton S. editors. IUCN. Gland; 2008. P. 31–37.
- McNeely JA, Miller KR. IUCN, National Parks, and Protected Areas: Priorities for Action. *Environmental Conservation*. 1983;10(1):13-21.
- Minin E, Leader-Williams N, Bradshaw CJA. Banning Trophy Hunting Will Exacerbate Biodiversity Loss. *Trends in Ecology & Evolution*. 2016;31(2):99-102.
- Mu H, Li X, Wen Y, Huang Y, et al. A global record of annual terrestrial Human Footprint dataset from 2000 to 2018. *Scientific Data*. 2022;9. Art. 176.
- Osei-Tutu JJ. Emerging Scholars Series: A Sui Generis Regime for Traditional Knowledge: The Cultural Divide in Intellectual Property Law. *Marquette Intellectual Property Law Review*. 2011;15 (1):147-215.
- Oxley I. Towards the Integrated Management of Scotland's Cultural Heritage: Examining Historic Shipwrecks as Marine Environmental Resources. *World Archaeology*. 32(3):413-426.

Paterson A. Scoping the Potential Influence of Law on Terrestrially Located Other Effective Area Based Conservation Measures. *Law, Environment and Development Journal*. 2023;18(1):32-50.

Phelan W. What Is Sui Generis About the European Union? Costly International Cooperation in a Self-Contained Regime. *International Studies Review*. 2012;14(3):367-385.

Phillips A. A short history of the international system of protected areas management categories. Defining Protected Areas: An international conference in Almeria, Spain, May 2007. Dudley N, Stolton S, editors. IUCN. Gland; 2008. P. 13–17.

Phillips A. Turning Ideas on Their Head: The New Paradigm for Protected Areas. *The George Wright Forum*. 2003;20(2):8-32.

Prendergast DK, Adams WM. Colonial wildlife conservation and the origins of the Society for the Preservation of the Wild Fauna of the Empire (1903–1914). *Oryx*. 2003;37(2):251-260.

Ryzhenkov AY. On the principles of protection of Lake Baikal. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 2018;2:137-141. (In Russ.).

Shafer CL. Arguments for and against IUCN protected area management category VI with a review of state versus community governance. *Journal for Nature Conservation*. Vol. 53. art. 125697.

Sheppard D. The New Paradigm for Protected Areas: Implications for Managing Visitors in Protected Areas. *Exploring the Nature of Management. Proceedings of the Third International Conference on Monitoring and Management of Visitor Flows in Recreational and Protected Areas. University of Applied Sciences Rapperswil, Switzerland, 13–17 September 2006*. Siegrist D, Clivaz C, Hunziker M, Iten S, editors. University of Applied Sciences Rapperswil, Switzerland; 2006. P. 33–45.

Skipnik II, Solntsev AM. The international mechanism of states' compliance with obligations to manage protected natural territories. *Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki» [RUDN Journal. Legal Sciences Series]*. 2012;2:224-240. (In Russ.).

Smith A. East Rennell World Heritage Site: Misunderstandings, inconsistencies and opportunities in the implementation of the World Heritage Convention in the Pacific Islands. *International Journal of Heritage Studies*. 2011;17(6):592-607.

Tishkov AA. One hundred years of methodology of territorial nature protection of Russia (on the 100th anniversary of nature conservation). *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 2017;1:8-19. (In Russ.).

Venter O, Sanderson EW, Magrath A, Allan JR, et al. Sixteen years of change in the global terrestrial human footprint and implications for biodiversity conservation. *Nature Communications*. 2016;7. Art. 12558.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колобов Роман Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Иркутский институт химии имени А.Е. Фаворского СО РАН», научный сотрудник кафедры водных ресурсов ЮНЕСКО, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета
д. 10, Улан-Баторская ул., г. Иркутск 664003, Российская Федерация
roman.kolobov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman Yu. Kolobov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Researcher, Irkutsk Institute of Chemistry Federal Research Center named after A.E. Favorsky, SB RAS; Researcher at the UNESCO Department of Water Resources, Associate Professor, Department of International Law and Comparative Law, Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
roman.kolobov@gmail.com

Материал поступил в редакцию 20 декабря 2024 г.
Статья получена после рецензирования 16 января 2025 г.
Принята к печати 15 ноября 2025 г.

Received 20.12.2024.
Revised 16.01.2025.
Accepted 15.11.2025.